

КЛАССИКА

ДЕТЕКТИВА

Джеймс Хэдли
Чейз

ТЫ ЗА ЭТО ЗАПЛАТИШЬ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ч 36

James Hadley Chase
I'LL GET YOU FOR THIS
Copyright © Hervey Raymond, 1946
ONE BRIGHT SUMMER MORNING
Copyright © Hervey Raymond, 1963
THE SOFT CENTRE
Copyright © Hervey Raymond, 1964
All rights reserved

Перевод с английского
Елены Королевой, Андрея Герасимова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-15556-5

© Е. А. Королева, перевод, 2019
© А. Е. Герасимов, перевод, 1991
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

**ТЫ ЗА ЭТО
ЗАПЛАТИШЬ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

1

Мне рассказывали, что Парадиз-Палмз — недурное местечко, но, увидев его воочию, я был ошеломлен. Здесь было так красиво, что я остановил «бьюик» и изумленно разинул рот.

Городок стоял на берегу полукруглого залива с милями золотистых пляжей, пальмами и зеленым океаном. Дома с красными крышами и белыми стенами выстроились плотными рядами. Обсаженные деревьями проспекты тянулись в город с четырех сторон. Цветочные бордюры украшали тротуары. Улицы пестрели от всевозможных тропических цветов, деревьев и прочей растительности, и все вместе это походило на воплощенную мечту в красках цветного кинематографа. От пестроты рябило в глазах.

Налюбовавшись на цветы, я сосредоточил внимание на женщинах, которые катили мимо в больших шикарных авто, прогуливались по тротуарам и даже ехали на велосипедах. Они были прямо как из шоу Эрла Кэрролла¹. Все до единой едва прикрыты одеждой. Сто лет у меня не было такого пиршества для глаз.

Лучшего начала отпуска и придумать невозможно. А ради этого я сюда и приехал: в отпуск. Четыре месяца, проведенных в игорных заведениях Нью-Йорка, оказались чертовски тяжелыми. Я решил, что, как только заработаю не меньше двадцати кусков, устрою себе отпуск со всеми положенными удоволь-

¹ *Эрл Кэрролл (1893–1948) — бродвейский режиссер и продюсер, в постановках которого участвовали полубнаженные актрисы и танцовщицы. (Здесь и далее примечания переводчика.)*

ствиями. Когда у меня скопилось пятнадцать тысяч, я уже был готов все бросить, однако каким-то чудом не сорвался, несмотря на мешки под глазами, пару пулевых ранений и толпу конкурентов. Невозможно заработать двадцать тысяч, не нажив при этом врагов. Я нажил немало. Дошло до того, что я ездил на бронированной машине и устилал пол вокруг кровати газетами, чтобы никто не подкрался ко мне, не разбудив, а пистолет я не выпускал из рук даже в ванной.

Я заработал нужную сумму и репутацию. Говорили, что я выхватываю пушку быстрее всех на свете. Может, и так, просто я никому не признавался, что упражняюсь в этом деле по два часа в день в любую погоду. Мне доводилось убивать людей, но убийства не были умышленными. Даже копы это признавали, а уж им-то виднее. Во всех случаях я убивал, только удостоверившись, что противник набросился первым, и у меня всегда имелись свидетели, готовые это подтвердить. Я так насобачился, что успевал выхватить пистолет и выстрелить раньше, чем мой противник нажимал на спусковой крючок. Это требовало множества усилий и тяжелой работы над собой, но я не отступал, что приносило свои дивиденды. Меня даже ни разу не арестовали.

Я заработал нужную сумму, купил «бьюик», и вот я в Парадиз-Палмз, готов наслаждаться отпуском.

Пока я глазел на женщин, ко мне подошел патрульный. И даже отдал мне честь.

— Здесь нельзя парковаться, сэр, — сказал он, опустив ногу на подножку моего «бьюика».

Только представьте себе: коп говорит мне «сэр».

— Я только что приехал, — пояснил я, заводя мотор. — Прямо дух захватывает. Боже! Вот уж зрелище так зрелище.

Коп усмехнулся.

— Пробирает до самых кишок, да? — сказал он. — Когда я только сюда приехал, то и дело разевал рот.

— Еще бы, — согласился я. — Только посмотрите на этих дамочек. Такое ощущение, что у меня вдруг открылось рентгеновское зрение, о каком я всегда мечтал. Боюсь отвести взгляд — как бы чего не упустить.

— Вот еще посмотрите на них на пляже, — мечтательно проговорил коп. — Стеснения в них ни на грош.

— Такие-то женщины мне и нравятся.

— Мне тоже, — согласился коп, покачав головой, — но толку-то: лишь глаза болят и шея деревенеет.

— Вы хотите сказать, что они такие неприступные?

Он присвистнул.

— Да проще рояль в одиночку передвинуть.

— Я здорово двигаю рояли, — заявил я и тут же спросил, где находится отель «Палм-Бич».

— Отличное местечко, — со вздохом заметил он. — Вам там понравится, и еда отменная. — И он рассказал, как туда доехать.

Минуты через две-три я был уже в отеле, и оказанный мне прием понравился бы даже Рокфеллеру. Толпа коридорных подхватила мой багаж, кто-то отогнал «бьюик» в гостиничный гараж, еще пара этих эльфов, облаченных в фантастические голубые с золотом одежды, были готовы на руках вознести меня по ступеням, если бы я им позволил и если бы им хватило сил.

Портье за стойкой расстарался вовсю, разве что не пал ниц и не стукнул лбом об пол.

— Мы счастливы приветствовать вас в нашем отеле, мистер Кейн, — сказал он, протягивая мне регистрационный бланк и ручку. — Ваши комнаты готовы, но если вдруг вам не понравится вид из окна, только скажите.

Я не привык к подобным нежностям, однако сделал вид, что привык. Я весьма придирчив к видам, заявил я, и этому лучше бы оказаться достойным.

Он таким и оказался. У меня имелись собственный балкон, гостиная и спальня с ванной комнатой в духе Сесила Би Демилля¹.

¹ *Сесил Блаунт Демилль* (1881–1959) — американский кинорежиссер и продюсер, для творчества которого была характерна помпезность. За сцены, снятые в богатых гостиных и роскошных ваннах, он получил от критиков прозвище «поэт ванн комнат».

Я вышел на балкон и окинул взглядом пляж, пальмы и океан. Фантастическая панорама. А повернув голову налево, я заглянул в окна других номеров отеля. В первом же окне меня ожидало отличное пип-шоу, какие встречаются иногда на окраинах Нью-Йорка, только это было классом повыше. Дамочка была сногшибательная. В руках она держала гантели. По-видимому, она считала, что заниматься гимнастикой полезнее в голом виде. Она заметила меня и скрылась из виду, но прежде ее улыбка сказала мне: «Мы можем неплохо провести время вдвоем, парниша».

Я сообщил портье, пришедшему вместе со мной, что вид восхитительный.

Когда он ушел, я вернулся на балкон в надежде еще раз увидеть гантели, но больше мне их не показали.

Я простоял на балконе минуты три, когда зазвонил телефон. Я поднял трубку, подумав, что кто-то, наверное, ошибся номером.

— Мистер Кейн?

Я признал, что, насколько мне известно, это так.

— Добро пожаловать в Парадиз-Палмз, — продолжал голос в трубке: сочный, насыщенный баритон с итальянским акцентом. — Говорит Сператца. Управляющий казино-клубом. Надеюсь, вы заглянете к нам. Мы о вас наслышаны.

— В самом деле? — проговорил я, польщенный. — Чудесно. Конечно, с удовольствием загляну. Я в отпуске, но все равно играю.

— У нас здесь весьма недурное заведение, мистер Кейн, — сказал он, так и сочась благожелательностью. — Вам понравится. Может, сегодня вечером? Вам удобно?

— Несомненно. Я зайду.

— Спросите меня, дона Сператцу. Я прослежу, чтобы вас приняли как следует. Девушка у вас есть?

— В данный момент нет, но здесь, кажется, полным-полно красоток.

— Только не все они стоворчивы, мистер Кейн, — рассмеялся он. — Я найду вам такую, которая понимает толк в обхож-

дении. Мы хотим, чтобы вы хорошо провели у нас время. Не часто у нас бывают такие знаменитости. Вопрос с девушкой я решу сам. Вы не разочаруетесь.

Я сказал, что это очень мило с его стороны, и повесил трубку.

Минут через десять телефон зазвонил снова. На этот раз в трубке зазвучал бас, сообщивший, что он принадлежит Эду Киллеано. Я не знал никакого Эда Киллеано, но сказал, что рад его звонку.

— Я узнал, что вы в городе, Кейн, — продолжал голос. — Хочу, чтобы вы знали: мы рады вашему приезду. Если вам что-нибудь понадобится, только скажите — я сделаю все, чтобы вы остались довольны. Вам скажут в отеле, где меня найти. Хорошего отдыха. — И не успел я придумать ответ, как он уже повесил трубку.

Я не смог удержаться, позвонил вниз и спросил, кто такой Эд Киллеано. Мне сообщили, понизив голос, что это глава города. О нем говорили так, словно речь шла о Джо¹ Сталине.

Я поблагодарил и вернулся на балкон.

Солнце сияло над золотистым пляжем, океан мерцал, пальмы склоняли макушки под легким бризом. Парадиз-Палмз по-прежнему выглядел изумительно, но у меня закралось сомнение, не слишком ли все хорошо, чтобы быть правдой.

Я нутром чуял, как что-то созревает.

2

Движение на Оушен-драйв было плотное, и я ехал очень медленно. В носу у меня стоял соленый запах моря, а в ушах — неумолчный рокот прибоя.

Был такой вечер, о каком пишут в книжках. Звезды сверкали на синем бархате неба алмазной пылью.

Через два квартала я оказался в освещенном проезде, который вел к большому строению с одним из этих невероятных

¹ Рузвельт и Черчилль между собой называли Сталина «дядюшкой Джо»; американская пресса тоже использовала это прозвище.

фасадов из мрамора, или стекла, или фарфора, или бог знает чего еще — что-то бледно-голубое с крупными буквами «Казино» на карнизе над первым этажом. Все здание было подсвечено, и в целом впечатление складывалось самое лучшее.

Латунные пуговицы на униформе чернокожего швейцара блестели в свете фонарей. Он открыл мне дверцу «бьюика», а еще один чернокожий шагнул вперед, чтобы отогнать машину в гараж.

Я вошел под голубой навес и оказался в коридоре, по обеим сторонам которого были двери отдельных обеденных кабинетов с номерами. Коридор заканчивался аркой, перед которой стояла будка, а в ней сидела блондинка, выдававшая номерки на шляпы.

— Вашу шляпу, мистер? — проговорила она в нос.

Я пожирал ее глазами. На ней был небольшой корсет из плотного небесно-голубого атласа: две половинки ткани, свободно стянутые черным шелковым шнурком. Под корсетом явно не было ничего. От нарядов подобного рода в пот обычно бросает всех, кроме его обладательницы.

Я отдал ей шляпу и дружелюбно осклабился.

— Какая у вас открывается панорама, — галантно произнес я.

— Если однажды вечером никто не отпустит шутку по этому поводу, я просто скончаюсь, — парировала она со вздохом. — Эта панорама — часть моей работы.

Я закурил сигарету, а потом спросил:

— А перспективы у панорамы имеются?

— Ни малейших. С годами подобные шуточки приедаются.

— Прошу прощения, — сказал я. — Меня не часто заносит в такие заведения. Я домосед, а мы, домоседы, несколько старомодны и отстаем от жизни.

Она оглядела меня с головы до пят и решила, что я безопасен.

— Меня вполне устраивает, — сказала она с улыбкой. — Люблю разнообразие. Беда здешних мужчин в том, что они словно отлиты по одной форме.

— Но ведь наверняка кто-то из них отлит лучше других? — заметил я.

Она хихикнула. Подошли три человека, чтобы сдать шляпы, и я неспешно двинулся через арку в ночной клуб, интерьер которого стоило увидеть: отделка в пастельных тонах, рассеянный свет, у одной стены барная стойка в форме полумесяца. Зал был потрясающий, с эстрадой для оркестра и небольшой танцплощадкой, сделанной из какого-то материала, похожего на черное стекло. И повсюду, вокруг танцплощадки и в синих кабинетах с хромированной отделкой, росли банановые деревья с широкими зелеными листьями, увешанные гроздьями зеленых же бананов. По стволам деревьев вились лианы, усыпанные нежными цветками, розовыми, оранжевыми и красновато-коричневыми. Крыши над половиной зала не было, и над головой мерцали звезды.

Ко мне подошел какой-то толстяк и оскалится, вероятно выражая свою радость от встречи. Он был в лакированных туфлях и темных брюках, в белом пиджаке, стилизованном под китель, и с винно-красным кушаком.

— Я к Сператце, — сказал я.

Он продемонстрировал мне все зубы до единого, включая пару золотых коронок.

— Я здесь управляющий, — сообщил он. — Могу чем-нибудь помочь?

— Да, — сказал я. — Позовите Сператцу. Передайте ему, что пришел Честер Кейн.

Если бы я заявил, что я король Георг VI, то и тогда его поведение изменилось бы не так стремительно.

— Тысяча извинений, не узнал вас, мистер Кейн, — проговорил он, сгибаясь пополам. — Синьор Сператца будет в восторге. Ему немедленно доложат о вашем прибытии.

Он развернулся и бешено замахал раздетому болвану рядом с барной стойкой. Тот сорвался с места с такой скоростью, словно в штанах у него тлела шутиха. Все это было заранее отрепетированной процедурой, приемом по высшему разряду, и он впечатлил меня именно так, как и должен был впечатлить.

— Милое тут у вас местечко, — сказал я, чтобы хоть что-то сказать.

Слушал я его не очень внимательно. Мое внимание было поглощено женщинами в зале. Там было на что посмотреть. На таких красоток даже лошадь бы оглянулась. Я как раз собирался сказать очередной комплимент заведению, когда мимо меня прошла брюнетка в красном платье. У меня перехватило дыханье. Никогда в жизни не видел такой дразнящей походки. Ее бедра были обтянуты красным шелком так туго, что от любого движения по ткани шла легкая рябь. Плоть перетекала под платьем, словно густая, искуссительная жидкость, словно расплавленный металл.

— Мы надеемся, вам понравится у нас, мистер Кейн, — говорил толстяк таким тоном, словно лично подсуетился и построил это здание, услышав о моем приезде. — Наверное, нужно представиться. Гиллермо, к вашим услугам. Не желаете ли выпить?

Я отклеил взгляд от бедер той женщины и сказал, что рад познакомиться с ним и выпить было бы недурно.

Мы подошли к бару, сели, водрузив ноги на изящную латунную подножку. Барная стойка сверкала чистотой, однако бармен быстрым механическим движением вытер ее, не сводя взгляда с Гиллермо.

— Что будете? — спросил Гиллермо.

— Наверно, немного бурбона, — сказал я.

Бармен налил на три пальца самого лучшего бурбона, какой мне когда-либо доводилось пробовать. Я сообщил об этом вслух.

В этот момент рядом со мной остановился мужчина с великолепным торсом.

— Синьор Сператца, — представил его Гиллермо, после чего исчез со сцены.

Я обернулся и оглядел вновь прибывшего. Он был наделен всеми достоинствами, о каких только может мечтать мужчина. Огромный, как дом, черные глаза с яркими, словно фарфоровыми, белками. Волосы довольно длинные, слегка волнистые

на висках. Лицо смуглое, с румянцем. Настоящий красавец латиноамериканского типа.

— Мистер Кейн? — произнес он, протягивая руку.

— Точно, — сказал я, пожимая руку.

Хватка у него была медвежья, но и у меня не хуже. Мы мяли друг другу кости, прикидываясь, будто нам нисколько не больно.

Он сказал, как счастлив со мной познакомиться, и выразил надежду, что мне понравится в Парадиз-Палмз.

Я восхитился вслух его заведением и сообщил ему, что ничего подобного нет даже в Нью-Йорке. Кажется, он остался доволен.

К этому времени я уже успел допить бурбон, и он позвал бармена.

— Два, — сказал он. — Внимательно посмотри на мистера Кейна, я хочу, чтобы ты запомнил его. Все, что он пожелает, — за счет заведения, это распространяется и на его друзей.

Бармен кивнул, быстро окинув меня взглядом с головы до ног, и я понял, что он никогда не спутает меня ни с кем другим.

— Все хорошо? — поинтересовался Сператца, сияя улыбкой.

— Шикарно, — сказал я.

— Мне неизвестно о ваших планах, мистер Кейн, — продолжал он, когда мы глотнули бурбона, — но если хотите немного отдохнуть и сыграть по маленькой, лучшего места вам не найти.

— Именно об этом я и мечтаю, — сказал я. — Мне хочется тишины и покоя, а еще небольшую компанию, когда я в таком настроении. — Я повертел стакан с бурбоном и продолжил: — Не хочу показаться неблагодарным, но, откровенно говоря, я слегка сбит с толку оказанным мне вниманием.

Он рассмеялся.

— Какой вы скромник, мистер Кейн, — сказал он, пожимая плечами. — Но даже в нашем маленьком городке на краю вселенной мы слышаны о вас. Мы счастливы оказать гостеприимство такому удачливому игроку.

— Я это ценю, — заверил я, бросив на него тяжелый взгляд. — Но мне бы хотелось все прояснить. Я в отпуске, а это значит, что я не работаю. Меня не интересуют никакие предложения. Не знаю, будут ли мне что-либо предлагать, однако вся эта суэта немного чрезмерна. Я не тешу себя мыслью, что я настолько важная персона. Так что шепните об этом кому надо. Я здесь исключительно ради отдыха, и всякие уговоры выводят меня из себя. Впрочем, если вы по-прежнему готовы меня привечать — валяйте, но я не расстроюсь, если вы прикроете лавочку и отправите меня восвояси.

Он от души рассмеялся, словно я отмочил самую забавную в мире шутку.

— Обещаю вам, мистер Кейн, вам не будут поступать никакие предложения. Городок у нас небольшой, но зажиточный. Мы гостеприимные люди. И нам нравится, когда особенные гости хорошо проводят у нас время. Мы хотим лишь, чтобы вы отдохнули и повеселились.

Я поблагодарил и пообещал, что так и сделаю.

Однако, несмотря на его складные речи и непринужденный смех, у меня осталось ощущение, что он глумится надо мной.

3

Мы еще немного поболтали и пропустили еще по глотку бурбона, Сператца высказал предположение, что я не прочь повеселиться, и как насчет девочки?

— А что насчет девочки? — спросил я.

— Я попросил мисс Уандерли позаботиться о вас, — сообщил он мне, демонстрируя крупные белые зубы в многозначительной улыбке. — Схожу за ней. Если она окажется не в вашем вкусе, скажите сразу, и я познакомлю вас с кем-нибудь еще. На нас работает много девушек, однако мисс Уандерли котируется особенно высоко.

Я выразил надежду, что тоже выставлю мисс Уандерли высший балл.

— Я удивлюсь, если будет иначе, — отозвался он и, благодушно улыбаясь, пошел через ресторан.

Я глядел ему вслед, прикидывая, сколько пройдет времени, прежде чем он или тот, кто стоит за этим торжественным приемом, потребует платы. Я нисколько не сомневался, что кто-то умасливает меня, чтобы затем что-то с меня стясти.

На меня поглядывал высокий, видный мужчина с седыми волосами и резкими чертами смуглого лица. Он стоял в одиночестве на другом конце бара. Внешне он напоминал судью, или врача, или адвоката, а смокинг сидел на нем так безупречно, словно его кроил ангел.

Я видел, как он поманил к себе бармена и что-то сказал ему. Бармен бросил на меня быстрый взгляд, кивнул и отвернулся. Седоволосый направился ко мне.

— Насколько я понимаю, вы Честер Кейн, — произнес он отрывисто.

— Верно, — сказал я.

Дружелюбия он не выказывал, и потому я не стал протягивать ему руку.

— Я Джон Херрик, — представился он, глядя на меня в упор. — Вы обо мне не слышали, зато я наслышан о вас. Честно говоря, мистер Кейн, я не рад видеть вас здесь. Насколько я понимаю, вы в отпуске, и я лишь надеюсь, что это окажется правдой. Если так, вы, наверное, не затеете никаких безобразий.

Я вытаращился на него.

— Слава богу, хоть кто-то мне не рад, — сказал я. — А то я уже начал верить, будто меня приветствуют от души.

— В этом городке хватает неприятностей и без заезжих молодцов, то и дело хватающихся за оружие, — спокойно парировал Херрик. — Подозреваю, бессмысленно просить вас не давать нам поводов для жалоб?

— Вы все неправильно поняли, — засмеялся я. — Не такой уж я необузданный. Слушайте, если меня не задевать, я милейший парень. Лишь когда на меня наезжают, я начинаю нервничать, а когда я нервничаю, я действительно слегка слетаю с катушек.

Он задумчиво рассматривал меня.

— Прошу прощения за подобную прямолинейность, мистер Кейн. Я не сомневаюсь, что, если вас не задевать, вы ведете себя так же мирно, как и любой из нас. Но мне кажется, было бы лучше, если бы вы передумали оставаться в Парадиз-Палмз. У меня предчувствие, что кто-нибудь непременно заденет вас в самое ближайшее время.

Я уставился в свой стакан.

— У меня тоже такое предчувствие, — сказал я, — но я все равно задержусь здесь.

— Печально это слышать, мистер Кейн, — сказал он. — Вы можете пожалеть о своем решении.

Я почувствовал возле своего локтя Сператцу.

Херрик резко развернулся, прошел через зал и скрылся в фойе.

Я смотрел на Сператцу, тот смотрел на меня. Всего на миг в его глазах промелькнуло сомнение, подсказавшее мне, что он ощущает себя не в своей тарелке.

— Этот был не из вашей приветственной делегации, — заметил я.

— Не стоит из-за него беспокоиться, — сказал Сператца, сверкая улыбкой. Улыбка далась ему нелегко, но он справился. — У него в следующем месяце выборы. — Он скорчил гримасу и добавил: — Продвигает реформы.

— Кажется, он весьма заинтересован в том, чтобы Парадиз-Палмз оставался милым чистеньким городком, — сухо произнес я.

— У всех политиков имеется платформа, — пожав плечами, проговорил Сператца. — Никто не воспринимает его всерьез. Он не пройдет. Народ голосует за Эда Киллеано.

— Повезло Эду Киллеано, — сказал я.

Мы снова уставились друг на друга, затем Сператца помахал кому-то.

К нам двинулась через зал девушка. На ней был жакет-болеро из синего крепа. Юбка с восьмидюймовым разрезом на боку тоже была из синего крепа, а блузка алая. И могу поспо-

ритель: если этой блондинке случалось идти через кладбище, даже покойники выглядывали из могил, чтобы свистнуть ей вслед.

К тому моменту, когда я сумел выдохнуть, она уже стояла рядом со мной. От нее пало духами «Русская империя» — аромат, от которого учащенно бьются сердца царей. Не могу даже описать, как забилося мое сердце.

Сператца смотрел на меня с тревогой.

— Мисс Уандерли, — представил он, подняв брови.

Я посмотрел на нее, и она улыбнулась. У нее оказались мелкие блестящие зубки, белые, как мякоть под кожурой апельсина.

— Может, вы позволите нам с мисс Уандерли познакомиться поближе? — поинтересовался я, снова оборачиваясь к Сператце. — Мне кажется, мы с ней прекрасно поладим.

На его лице настолько явственно отразилось облегчение, что я засмеялся.

— Замечательно, мистер Кейн, — сказал он. — Может, встретимся чуть позже наверху? У нас имеется четыре стола с рулеткой, или можно организовать для вас партию в покер.

Я покачал головой.

— Что-то подсказывает мне, что этим вечером будет не до игры, — сказал я и, взяв мисс Уандерли за руку, направился к бару.

Краем глаза я видел, как отчалил Сператца, и тогда я сосредоточил все свое внимание на мисс Уандерли. И решил, что она бесподобна. Я глядел на длинные локоны ее волос, на изгибы тела — особенно на изгибы. Груды у нее были как кубинские ананасы.

— За это надо выпить, — объявил я, жестом подзывая бармена. — Из какого уголка рая ты сбежала?

— Я не сбегала, — рассмеялась она. — Меня выпустили условно-досрочно, но я-то думала, что это всего лишь новая работа. Теперь понимаю, что ошибалась.

Бармен смотрел на нас.

— Что будешь пить?

— «Зеленый попугай», — сказала она. — Фирменный коктейль Тони.

— Хорошо, — сказал я бармену. — Смешайте два.

Пока бармен готовил напитки, я продолжил разговор:

— Значит, теперь ты не считаешь, что это просто новая работа?

Она помотала головой.

— Я разбираюсь в людях, — сказала она. — С тобой будет весело.

Я подмигнул ей:

— Это только полдела. Чем займемся? Я к тому, что нужно составить программу.

— Мы выпьем, потом поужинаем, потом потанцуем, а потом отправимся на пляж купаться. После еще выпьем, а потом...

— Именно, что потом?

Ее ресницы затрепетали.

— Потом будет видно.

— Звучит волнующе.

Она надула губки:

— Ты что, не хочешь со мной танцевать?

— Конечно хочу.

У меня появилось предчувствие, что этой ночью двигать рояль не придется.

Бармен поставил перед нами два больших бокала, наполненных на три четверти зеленой жидкостью. Я только потянулся за бумажником, как он уже отошел.

— Никак не могу привыкнуть, что все за счет заведения, — пожаловался я, поднимая бокал.

— Привыкнешь, — пообещала она.

Я сделал большой глоток коктейля и спешно опустил бокал на барную стойку. Схватился за горло, кашляя и жмурясь. Это пойло, кажется, устроило взрыв у меня в животе, зато миг спустя ощущение было такое, словно я сижу на облаке.

— Ничего себе! Пробирает до кишок, — заметил я, когда снова смог говорить.

— Тони очень им гордится, — сказала она, осторожно потягивая коктейль. — Просто чудо! Я прямо чувствую, как он доходит до пальцев на ногах.

К тому времени, когда с «зелеными попугаями» было покончено, мы общались так, словно были знакомы сто лет.

— Давай поедим, — сказала она, соскальзывая с высокого стула и беря меня под руку. — Гиллермо приготовил для тебя особенный ужин.

Она сжала мне локоть и улыбнулась. Ее взгляд был откровенно зазывным.

Гиллермо был тут как тут и проводил нас за столик. Над головой у нас сияли звезды. С моря веял теплый бриз. Оркестр играл какую-то убаюкивающую мелодию: духовые выдували под сурдинку ноты, похожие на шарики ртути, гладкие и округлые. Еда была невыразимо вкусная, так же как и поданное к ней вино. Нам не пришлось утруждаться, объясняя, чего нам хочется. Тарелки появились на столе сами собой, и мы ели с наслаждением.

Потом мы танцевали. На танцплощадке было не очень много народу, и мы двигались по широкому кругу. Танцевать с ней было все равно что танцевать с Джинджер Роджерс¹.

Я как раз думал, что это лучший вечер в моей жизни, когда вдруг заметил коренастого мужчину в зеленом габардиновом костюме, стоявшего рядом с оркестром. У него была плоская, злобная харя, и он наблюдал за мной недобро блестящими глазками. Наткнувшись на мой взгляд, он резко развернулся и скрылся из виду за занавеской, прикрывавшей выход.

Мисс Уандерли тоже его заметила. Я почувствовал, как напряглась ее спина, и она сбилась с такта, отчего я едва не наступил ей на ногу.

Она отстранилась от меня.

¹ *Джинджер Роджерс* (1911–1995) — американская актриса, певица и танцовщица. Особенно прославилась, выступая и снимаясь в паре с Фредом Астером.

— Пошли купаться, — предложила она внезапно и двинулась в сторону фойе, отвернув от меня лицо.

Я успел увидеть ее отражение в зеркале.

Она была бледна.

4

Я ехал по шоссе вдоль пляжа Дейден-Бич, пустынной полоски песка с пальмами, в нескольких милях от казино.

Мисс Уандерли сидела рядом со мной. Она мурлыкала себе под нос какую-то песенку и, кажется, снова была в хорошем настроении.

Мы катили вдоль морского берега в лунном свете. Было жарко, но в открытые окна «бьюика» врвался океанский бриз.

— Почти приехали, — сказала мисс Уандерли. — Смотри, отсюда уже видно.

Впереди, у самой линии прибоя, возвышалась группка пальм. Никаких иных признаков жизни не наблюдалось, и это было прекрасно.

Я съехал с шоссе и повел машину вниз по песку, пока тот не сделался слишком рыхлым, тут я остановился, и мы вышли.

Вдалеке виднелись яркие огни Парадиз-Палмз, оттуда доносились едва слышные звуки музыки. Ночь стояла безветренная, и звук распространялся на большое расстояние.

— Очень мило, — сказал я. — Что будем делать?

Мисс Уандерли подняла юбку выше колена и принялась скатывать чулки. Ноги у нее были стройные и мускулистые.

— Лично я — купаться, — сказала она.

Я обошел машину, открыл багажник и вынул пару полотенец и свои плавки. Меньше чем через две минуты я был готов. Теплый ветерок приятно обдувал кожу. Я обогнул «бьюик». Мисс Уандерли дожидалась меня. На ней были белые лифчик и трусики.

— Купальник так себе, — заметил я.

Она согласилась со мной и сняла белье.

Я на нее не смотрел.

Мы пошли по песку, держась за руки. Песок был горячий, и ноги погружались в него по щиколотку. Я бросил на нее взгляд, когда мы входили в воду. Скульптор мог бы просто отлить ее в бронзе, и потом ему не пришлось бы ничего подправлять. Я сам удивился, что так спокойно реагирую.

Мы доплыли до спасательного плотика на якорю. Море было теплое. Мисс Уандерли подтянулась на руках, забираясь на плот, и стала похожа на ундины со дна морского.

Я плавал вокруг плота, рассматривая ее в лунном свете. В свое время у меня было немало женщин, но эта была просто картинка.

— Хватит, — сказала она, — ты меня смущаешь.

Я влез на плот и сел рядом.

— Не смущайся, — сказал я.

Она поглядела на меня через плечо, а потом привалилась ко мне спиной. Спина была теплая, но крошечные капли воды на ее коже охладили меня.

— Расскажи мне о себе, — попросила она.

— Тебе будет неинтересно, — сказал я.

— Расскажи.

Я широко улыбнулся ей:

— Я жил самой обычной жизнью до тех пор, пока не пошел в армию. Вернулся из Франции с кучей медалей за снайперскую стрельбу, роскошным военным неврозом и неумемной тягой к азартным играм. Никому я был не нужен. Работу найти не смог. Как-то раз я сел играть в покер. Та покерная партия затянулась на три недели. Мы брились, ели и пили за игровым столом. Я выиграл пять кусков, а потом один игрок как с цепи сорвался. Я ударил его бутылкой, а он наставил на меня пушку. Оружие меня не пугает. Я побывал в арденнской заварухе. После такого все, что может выкинуть какой-то там картежник, просто детский лепет. Я вырвал у него пистолет и дал ему по лбу. Мы продолжили играть, сгрузив того парня под стол. Ставили на него ноги, как на коврик.

Она скрестила руки на груди и поболтала ногой в воде.

— Крутой парень, — сказала она.

— Ага, — согласился я. — Мне не понравилась та пушка. Она заставила меня задуматься. В один прекрасный день, решил я, на меня наставит оружие какой-нибудь парень, который умеет им пользоваться. И потому я купил себе пистолет. Я хотел обращаться с оружием лучше, чем кто-либо другой. Видишь ли, после армии появляется привычка гордиться тем, что ты делаешь что-то лучше товарища. Я сидел в номере захудалой гостиницы и учился выхватывать пистолет из кобуры и жать на спусковой крючок. Упражнялся по шесть часов в день целую неделю. Кажется, достиг успеха. До сих пор я не встречал никого, кто выхватывал бы оружие быстрее меня. Та неделя тренировок уже пять раз спасла мне жизнь.

Она поехала:

— Говорили, ты безжалостный, но теперь, познакомившись с тобой, я в это не верю.

— Правильно, — сказал я, опуская руку ей на бедро. — Я объясню тебе, как это обычно происходит. Какой-нибудь слюнтяй вдруг решает, что он самый крутой на свете. Он считает, что лучше его никого нет. Может, он просто дурак, или перебрал, или еще что. Не знаю. Но какова бы ни была причина, он мнит, что он самый-самый и должен доказать это всем и каждому. Остальным плевать, крут он или нет, но этот паршивец не понимает. И что же он делает? Он смотрит по сторонам, выискивая парня с определенной репутацией, цепляется к такому парню и затевает ссору. Он рассуждает так: если я превзойду его, то стану круче всех. И обычно он цепляется ко мне. — Я поболтал в воде ногой. — Я сношу все, что он мне говорит, потому что знаю: я могу побить его в любой момент, когда пожелаю, но убивать я не стремлюсь. В этом нет смысла. И потому я сижу и позволяю ему наезжать. Наверное, я не прав, потому что это подзадоривает его, и он тянется за пушкой. И тогда мне приходится убивать, потому что я, как ни странно, люблю себя и умирать не хочу. Люди говорят, я жестокий, но они ошибаются. На меня давят, и я не в силах сдержаться.

Она ничего не сказала.

— То же самое вот-вот случится и здесь, — продолжал я. — Какой-то умник в этом городишке считает себя крутым, он разработал сложный сценарий, чтобы показать всему городу, как быстро он наставит на меня пушку. Он собирается загнать меня в угол. Я не знаю, кто он такой и когда начнет игру, но я знаю, что тут назревает, и чутье подсказывает мне, что ты тоже замешана в этом. — Я улыбнулся ей. — Остается выяснить, знаешь ли ты, что затевается, или же ты просто шикарная декорация.

Она покачала головой.

— Ты чокнутый, — сказала она. — Ничего не затевается.

— Из этого по-прежнему непонятно, за меня ты или против, — сказал я.

— Я за тебя, — сказала она.

Я обнял ее одной рукой и перебрал ее ноги через свои, усаживая себе на колени. Она прижалась к моей груди, ее волосы, влажные и ароматные, прилипли к моей щеке.

— Я знала, что с тобой будет интересно, — сказала она.

Я взял ее за подбородок и развернул лицом к себе. Она закрыла глаза. В лунном свете ее лицо белело словно фарфоровая маска. Я посмотрел на нее, а потом поцеловал. Губы у нее были солоноватые. А еще — упругие, прохладные и очень приятные. Мы на какое-то время застыли так, лишь плот вздымался на волнах; мне было совершенно наплевать, что случится дальше, хотя я и не сомневался — случится обязательно.

Внезапно она оттолкнула меня, соскользнула с моих коленей и встала. Я посмотрел на нее. При виде такой красоты желание накатило будь здоров. Когда я попытался ее ухватить, она нырнула и уплыла от меня. Я сидел на плоту и ждал. Чуть погодя она развернулась и поплыла обратно. Я утопил в море край плота, и она скользнула на него, улегшись на живот. Она лежала рядом со мной, уткнувшись подбородком в ладони и скрестив лодыжки. У нее была такая красивая спина.

— А теперь ты расскажи о себе, — попросил я.

Она покачала головой:

- Нечего там рассказывать.
- Должно быть хоть что-то. Сколько ты уже здесь живешь?
- Год.
- А до того?
- В Нью-Йорке.
- Танцовщица.
- Точно.
- Как ты познакомилась со Сператцей?
- Просто познакомилась.
- Он тебе нравится?
- Он для меня пустое место.
- Ты обхаживаешь особенных гостей?
- Предполагалось, что так будет.
- А кого еще, кроме меня, ты обслуживала?
- Никого.
- Значит, я первый особенный гость в Парадиз-Палмз?
- Должно быть, так.
- Работа тебе нравится?

Она перекадилась на спину.

— Да, — сказала она и поглядела на меня.

В ее глазах я прочитал, что оставаться и дальше на этом плоту — напрасная трата времени.

— Ладно, — сказал я. — Поехали отсюда.

Она первая бросилась в воду.

5

— Хочу показать этой юной леди вид с моего балкона, — сказал я ночному портье, когда тот выдал мне ключ.

Я ожидал, что он напомнит, какой уважаемый у них отель, или хотя бы бросит на меня косой взгляд, однако ничего не случилось. Он поклонился.

— Приятно слышать, что вы нашли вид достойным, чтобы показать его мадам, — произнес он. — Желаете еще что-нибудь в номер, мистер Кейн?

Он говорил без тени сарказма — кажется, он и впрямь был готов вывернуться наизнанку, чтобы мне угодить.

— Скотч не помешал бы, — сказал я.

— В одном из шкафов в вашей гостиной имеется запас напитков, мистер Кейн, — сообщил он. — Всего час назад все это принесли в подарок от мистера Киллеано.

Я кивнул.

— Отличная была идея, — сказал я, не собираясь показывать ему, как я удивлен.

Мы с мисс Уандерли прошли по пустому фойе к лифтам.

Она смотрела на меня, вопросительно подняв брови.

— Он так и рвется организовать мне хороший отпуск, — пояснил я, пожимая плечами. — Готов даже лично явиться и подоткнуть нам одеяло.

Она хихикнула.

Мимо нас прошел гостиничный коп. Я определил, что он гостиничный коп, по размеру его обуви. Нас он как будто не заметил.

Лифтер и коридорные смотрели на мисс Уандерли так, словно она была невидимкой. Все эти лакеи действительно были воплощением тактичности.

Часы на стойке регистрации показывали половину третьего ночи. А у меня сна не было ни в одном глазу.

Когда мы шли по широкому, устланному толстым ковром коридору к моему номеру, я спросил:

— А ты знаешь этого парня, Киллеано?

— Я-то надеялась, что твои мысли обо мне, — с укоризной сказала она.

— У меня мозг как у шизофреника, — заявил я. — Могу думать о двух вещах сразу.

Я отпер дверь, и она вошла вслед за мной. Ответа на свой вопрос я так и не получил.

Закрыв дверь, я понял, что все-таки не могу думать о двух вещах сразу.

Мисс Уандерли высвободилась из моих объятий, но не раньше, чем у меня зашумело в ушах.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫ ЗА ЭТО ЗАПЛАТИШЬ. <i>Перевод Е. Королевой</i>	5
ЯСНЫМ ЛЕТНИМ УТРОМ. <i>Перевод Е. Королевой</i>	263
МИНУТНАЯ СЛАБОСТЬ. <i>Перевод А. Герасимова</i>	457

Чейз Дж. Х.

Ч 36 Ты за это заплатишь : романы / Джеймс Хэдли Чейз ; пер. с англ. Е. Королевой, А. Герасимова. — М. : Инностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 640 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-15556-5

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них — Джеймс Хэдли Чейз.

«Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» — так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотосный секрет: читателей привлекают «действие и ритм».

В сборник вошли романы «Ты за это заплатишь» (1946, послужил литературной основой для одноименного фильма 1951 года), «Ясным летним утром» (1963) и «Минутная слабость» (1964). Здесь впервые упоминается выдуманный Чейзом «райский» город с говорящим названием Парадиз — идеальное место действия многих его детективных историй, а также некоторые из его жителей, с которыми читателю еще предстоит встретиться в других романах.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ХЭДЛИ ЧЕЙЗ
ТЫ ЗА ЭТО ЗАПЛАТИШЬ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Ирина Стефанович

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Екатерины Киселевой

Корректоры Анна Быстрова, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 27.06.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-ILD-23941-01-R